

ШУРКА БОРИСОВСКИЙ

Одним из самых близких людей Иоанна Оленевского был Александр Иванович Комаров или Шурка Борисовский, как его называл старец. Александр окормлялся у отца Иоанна и был его послушником с 1942 по 1949 год. 1 мая 2008 года Александру Ивановичу Комарову исполнилось 79 лет и милостью Божией с ним состоялось несколько удивительных бесед, которые были почти дословно записаны. Эти беседы наполнены драгоценными воспоминаниями о подвижнических трудах отца Иоанна, содержат малоизвестные подробности его келейной и повседневной жизни и представляют большой интерес для всех его почитателей. Часть воспоминаний уже вошла в другие места книги. В частности, в главе «Русский старец» с его слов очерчен внешний и внутренний облик святого. Теперь же пойдет речь о семье Комаровых, о самом послушнике Александре и тех благодатных годах его жизни, что прошли рядом с отцом Иоанном.

Детство Александра было тяжелым и голодным. Его отец Иван Семенович Комаров родился 22 февраля 1886 года в селе Борисовка Пензенского уезда в семье очень бедных крестьян Семена Васильевича и Марии Ивановны Комаровых. После окончания 4-классной церковно-приходской школы Иван стал батрачить – нанимался пастухом к зажиточным крестьянам и этим помогал родителям. По достижении возраста, в 1908 году он был призван в армию, где служил ямщиком в Первом обозном кадровом батальоне, откуда в 1910 году был зачислен в запас. В 1911 году по совету и примеру своего дяди Карпея – стражника г. Городища, Иван тоже подался в

стражники*. В этом чине в Городищенском уезде Иван Семенович прослужил с 1911 по 1917 год. В селе Сыромьяс 25 января 1912 года он повенчался с девицей Матроной Федоровной Кузнецовой – матерью Александра.

Семья Комаровых. 1910-е гг.

Когда в 1917 году пришла советская власть, семья переехала в Борисовку. С 1918 по 1921 год Иван Семенович работал стрелочником на железнодорожной станции Ардым. В этот период для семьи начались годы тяжелых испытаний. В 1919 году как бывший стражник Иван был лишен избирательных прав²⁰⁰. Приходилось очень тяжело, и тогда на помощь пришел дядя, Василий Васильевич Комаров, у которого Иван когда-то пас стадо. Он дал Ивану надел земли и мешок хлеба для посева, за счет чего они и выжили.

В 1929 году пришла другая беда – началась коллективизация. Иван Семенович стал проситься в колхоз и вступил в него, но через два месяца его исключили, со словами: «Нам кулаков и лишенцев не надо. Долой». Семья Комаровых была признана опасной по классовому признаку. В поисках заработка Ивану пришлось трудиться на разных работах, но лишенцев гнали отовсюду. Так было в Кичкилейском санатории, потом на ардымском пункте «Заготзерно». В 1930 году власти отобрали корову, а в 1932 – семью полностью раскула-

* Стражник – низший полицейский чин в сельской местности в дореволюционной России.

чили. К тому времени в семье было 6 или 7 человек детей, Александру Ивановичу было два с половиной года. Семья, оставшаяся без угла, пошла по домам, по знакомым. Кто-то дал денег на амбар, но дом построить не дали.

Наступил 1937 год. На праздник «Никола Зимнего» к Ивану Семеновичу пришли и сказали: «Дядя Ваня, иди в контору*». Пришел в контору, там милиционер Тихон Павлович, направил в сельсовет. В сельсовете уже собрали несколько человек борисовских мужиков и всех арестовали. По рассказам Александра Ивановича, отец сначала сидел в Пензе, в тюрьме на Красной, куда приходилось носить передачи, а вскоре отца репрессировали. В обвинительном заключении говорилось: «Разделял враждебные взгляды кулаков, проводил вместе с ними организованную к/р агитацию, распространял провокационные слухи о войне». Постановлением тройки УНКВД от 29 декабря 1937 года Ивана Семеновича приговорили к 10 годам северных лагерей, куда отправили этапом. Только 6 мая 1938 года он поступил в распоряжение Северного железнодорожного лагеря НКВД (республика Коми). Лагерь занимался строительством железной дороги. Работа была очень тяжелой, особенно зимой. Из заключения от отца приходило несколько писем, написанных карандашом на обрывках упаковочной бумаги, а потом переписка прекратилась. 9 апреля 1939 года в этом же лагере от порока сердца Иван Семенович скончался.

Совершенно не зная о судьбе мужа, в Борисовке осталась вдова Ивана Семеновича Матрона Федоровна с семерыми детьми. Поддержку в своих скорбях она обрела у Божия угодника – отца Иоанна. Старца Ивана Васильевича из Оленевки Матрона знала давно, как только переехала в Борисовку. Она очень почитала его, часто бывала у него в келье, носила гостинцы. Неизвестно, открыл ли отец Иоанн Матроне кончину мужа, но, несомненно, он знал о случившемся и поэтому утешал многодетную вдову, помогал сиротам.

Вот в таких тяжелых условиях вырос послушник святого старца Александр Иванович Комаров. Он был шестым чадом: перед ним родились Николай, Надежда, Петр, Анастасия, Екатерина, а после него – сестра Антонина. Он появился на свет в 1929 году, весной, но какого точно числа, никто не помнил и чтобы не путаться, записали 1 мая. Александр окончил три класса борисовской школы. С детства был приучен к вере и еще в юные годы много узнал несправедливости, видел отцовские страдания. Совсем маленьким Саша наблюдал, как мать ходила к отцу Иоанну, а когда подрос, то и сам стал бегать в Оленевку – носил старцу, что приготовит мать, помогал ему по хозяйству и стал его духовным чадом.

---

* Контора Заготзерно в Ардыме

Отец Иоанн не случайно приблизил к себе отрока. Не зная от рождения своего отца, старец видел и его сиротские страдания, чувствовал его доброе сердце и расположение к Богу. Их знакомство пришлось на 1941 – 1942 год, когда для всей России началась страшная година испытаний – шла война. Тогда Александру было 12 лет. Мать испекла хлеба и попросила сына отнести их Дедыньке (так называли батюшку в семье Комаровых). Не зная адреса, Александр пошел относить хлеб, а по дороге все думал: «У самоих хлеба нет, а тут – какому-то дедыньке». Придя в Оленевку, Александр дом нашел легко. Через огород к дому вела тропочка. Сам дом был маленьким и больше походил на келью. У избы стоял забор и калитка. Александр отодвинул щеколду, вошел. Рядом с крыльцом росла небольшая, метра два высотой, но раскидистая ветла. Шурка постучал в дверь, и на стук вышла тетя Наталья. Она спросила мальчика, к кому он пришел и откуда. Отрок ответил, что он Шурка из Борисовки и мать послала его отнести Дедыньке хлеб. Александра впустили, он подошел под благословение к батюшке и отдал гостинцы. Старец попросил у Натальи нож, отрезал горбушечку, сказал, что хлеб хороший, но остальное велел нести домой. Кроме того, надавали Шурке еще много гостинцев и велели прийти еще. Так отец Иоанн прозрел ропот отрока о том, что у самих хлеба нет. После этого Шурка дважды ходил к батюшке, но он, испытывая и смиряя отрока, не принял его.

Александр Комаров. 1950 г.

Однажды Шурка косил в поле траву, приходит к нему сестра и говорит: «Шурка, иди, Дедынька велел тебе придти». Пришел Шурка к батюшке, благословился. Старец попросил его посидеть рядом с ним и сказал, что нужно покрыть крышу, где дырки. Шурка принялся жать серпом траву и укладывать на крышу. Сделал, сколько мог, оставалось еще много – крыть и крыть, но старец отправил его до следующего раза. Когда пришел Шурка дня через два-три, крыша была уже хорошо покрыта. Оказалось, что соседям Далматовым, почитавшим старца, стало совестно перед батюшкой, и они покрыли всю крышу заново.

Шурка стал постоянно ходить к отцу Иоанну, не менее 2 – 3 раз в неделю. Делал по хозяйству разную работу: колол дрова, носил коромыслом воду. Но не столько занимался работой, сколько получал благодать, наставления, да гостинцы для дома. «Выйду, бывало колоть дрова, – говорит Александр Иванович, – чурбака два расколю, тетя Наташа говорит: «Иди, Дедынька зовет». Приду к Дедыньке, – говорит: «Ну, теперь сходи за водой в бассейн, возьми ведра, водичка там хорошая, благодатная». Я все это делал, а про себя читал молитву Иисусову и до сих пор ее читаю». Через эти труды Господь подавал Шурке благодать и здравие на будущие годы. Еще однажды кто-то свалил отцу Иоанну валенки, они были теплыми, но оказались для него больно тяжелыми, каждый килограмма по два. Батюшка надел их, поносил немного и отдал Шурке, сказав, чтобы он их разносил, а потом вернул ему. Носил, носил Шурка валенки и говорит батюшке: «Дедынька, так ведь и до дыр сношу, возьми», но старец велел и дальше носить их. Взамен этих тяжелых валенок, батюшке скоро подарили новые, легкие, но и те он отдал Шурке. Во всем этом выражалось благоволение старца.

Часто Александр получал от отца Иоанна краткие наставления.

Раз пошел Шурка к Дедыньке и вдруг по дороге увидел в небе нечто вроде какой-то восьмерки. Приходит к нему и с удивлением спрашивает:

- Дедынька, я сейчас в небе какую-то восьмерку видел.
- А ты ее перекрестил? – спросил старец.
- Нет – ответил Шурка.
- А вот если бы перекрестил – увидел бы что было.

Однажды в тех краях поездом сбило девушку, и Александр после службы пошел на поминки, где пили вино. Приходит Шурка к Дедыньке, а он ему говорит:

- Что-то ты Шура как в церкви задержался?
- На поминки ходил, – виновато ответил Александр.
- Ты зачем туда пошел? Чего тебе там делать? И нечего тебе там было делать, – начал резко отчитывать батюшка своего послушника. Причем говорил так, будто он точно знал, и что там происходило, и внутреннее настроение Шурки, и все остальное...

В другой раз Шурка пришел к Дедыньке, а перед этим его где-то угостили вином. Дедынька его спрашивает: «Шура, не выпивал ли ты сегодня?». И не дожидаясь ответа, начал бранить его, говоря: «Разве ты не знаешь, что в вине и водке сатана сидит». Этих двух случаев, двух строгих наставлений старца отроку хватило на всю жизнь.

Часто и подолгу бывал Александр у отца Иоанна, а перед тем как уходить, спрашивал:

– Ну что, Дедынька, я пойду?

– Посиди еще немного, – говорил старец.

Посидит Шурка на лавочке минут 10, батюшка задремлет, а тетя Наташа скажет: «Шура, иди домой, он ведь сейчас будет молиться». Это было часов в 8 вечера, – вот время, с которого старец вставал на ночную молитву. Часто Дедынька указывал дорогу, по которой идти Шурке домой. Эта дорога проходила полями через овраг от Оленевки к Борисовке, она была самой короткой, безлюдной и называлась косой. Сколько ни ходил Александр той дорогой, никто ни разу не осудил и не осмеял его, что он к «попу» ходит. Потому, что старец не дремал, а молился о его пути, ибо время было тревожное. Александр возвращался напоенный благодатью Божией от общения со святым человеком. Шел сначала полем, а потом по родному селу. А в селе кипела совсем иная, мирская жизнь: кругом веселье, парни катали девок на велосипеде – происходило все то, против чего высказывался духовный отец.

Александр не только помогал старцу по хозяйству. Когда в Соловцовке открыли церковь, он возил его в церковь к службе. Дедынька посылал его к кому-нибудь за лошадью, и вместе ехали в храм. Отрок сидел рядом с отцом Иоанном на подводе и все слушал, что говорил старец и подмечал все за ним. Когда подъезжали к церкви, Александр с кем-нибудь из помощников снимал старца с телеги, вводил его под руки в храм и даже заходил с ним в алтарь.

После рукоположения отца Иоанна в сан священника, Александр так же ходил к старцу, и однажды он тихо сказал ему: «Вот, Шурка, называй меня теперь не Дедынькой, а батюшкой». Батюшка Иоанн очень любил Шурку, а юноша горячо любил старца. Много времени провел он с отцом Иоанном и много духовного почерпнул от него. Однажды старец сказал ему: «Шурка, я умру, больше ни к кому не ходи, больше у тебя никого не будет». Этим батюшка дал понять своему послушнику, что такого духовного наставника у него больше не будет никогда. Так несколько лет старец наставлял и воспитывал своего послушника в духе веры.

Одним из способов мобилизации рабочей силы в сталинской России являлись оргнаборы, заключавшиеся в переселении людей из центральных областей страны в труднодоступные и малоосвоенные районы²⁰¹. Эти репрессивные меры коснулись многих жителей Пензенской области, в их число попал и Александр Ко-

маров. Однажды к нему пришли и предупредили, что его отправят рабочим на шахты. Шурка побежал к отцу Иоанну узнать, что делать. В это время в Пензе на территории бывшего женского монастыря жили духовные чада старца, некто Кукины. Отец Иоанн на шахты Шурку ехать не благословил, а велел скорее бежать в Пензу и переждать время у Кукиных. Паспорта у Александра не было, и он стал у них работать сапожником. Но долго здесь оставаться Шурка не мог, потому что у Кукиных была большая семья. Тогда он снова отправился к старцу, просил совета, как быть дальше. В Пензе еще жил брат Александра Николай, и старец благословил идти к нему. Здесь Шурка жил до 1949 года, но не постоянно: ходил с одного места на другое. Но за это время Николай выправил Александру паспорт, и можно было жить более свободно, на законном основании.

Теперь Шурка стал ходить к старцу из Пензы. И вот однажды старец благословил Шурку идти к архиерею, просить благословение на поступление в семинарию, потому что он видел Александра священником, как и Алешу Попкова. Но Шура послушался отца Иоанна и к архиерею не пошел,

Мать А. И. Комарова Матрона Федоровна. 1980-е гг.

и жизнь потекла не по благословению, а по самоволию. В 1949 году по достижении 20-летнего возраста Александр был призван в армию и служил три года, с 1949 по 1951 год, в Белоруссии. Там произошел такой случай. Перед отъездом батюшка благословил новобранца иконой Николая Чудотворца, которую Шурка всегда носил зашитой в кармане рубашки. Однажды солдатам пришлось раздеваться для медосмотра, одежду повесили в раздевалке. Когда медосмотр кончился, и все пошли одеваться, — образа в рубашке уже не было. А несколько дней спустя, одного солдата повели в особый отдел — у него обнаружили икону. Так Шурка потерял батюшкино благословение. А когда в 1950 году приезжал на побывку домой, заходил к батюшке, и он очень печально с укором сказал: «Как же ты даже благословение мое не мог сохранить?». Об этом Александр Иванович с болью в сердце вспоминает и сегодня.

Очень не хотелось расставаться Шурке со старцем, но побывка кончилась, и надо было снова возвращаться в далекую Белоруссию. Это был последний год службы и последний год жизни отца Иоанна. Мать писала сыну, что старец совсем плохой, очень слаб здоровьем и неизвестно, случится ли им еще встретиться? Но еще раз увидеться со старцем Александру уже не пришлось. В августе 51-го от матери пришло письмо, что старец умер. Шурке стало плохо, он не мог стоять на посту, ноги подкашивались, и, пряча глаза от людей, он плакал. Прочитав письмо, Шурка быстро убрал его в карман.

В Борисовку он вернулся в 1951 году, много спустя после похорон и мог только лить горькие слезы на могиле отца Иоанна. Всю свою долгую жизнь Александр Иванович с благодарностью и любовью вспоминал старца и слезами омывал свое непослушание. Но ничто не могло угасить любви духовного отца. Вся жизнь Шурки прошла под благословением и по молитве отца Иоанна Оленевского. Несколько раз во сне батюшка являлся Александру в белом одеянии. До его прославления Шурка молился за старца, чтобы Господь упокоил его в селениях праведных. В 1996 году Александр присутствовал при обретении мощей своего духовника,

*Александр Иванович Комаров.
2007 г.*

а когда старца прославили, стал молиться ему как святому. И в это время Александр Иванович особо ярко вспоминал слова старца: «Шурка, я ведь грешный, молись обо мне», и тут же, справедливости ради, добавлял, что ни один святой при жизни не говорил, что он святой, а все называли себя великими грешниками. А в этом и было явление святости.

Сегодня Александр Иванович Комаров – прихожанин Успенского собора города Пензы. Недавно по случаю написания этой книги в храме состоялась теплая встреча двух духовных чад отца Иоанна – протоиерея Алексия Попкова и Александра Ивановича Комарова. Старики с любовью троекратно облобызали

друг друга и вместе сфотографировались на память. А мы – счастливые люди, потому что спустя 60 лет имеем возможность быть рядом с ними и видеть их вместе, ведь они живая память и благословение старца, переданное теперь нам.